Дмитрий Рябоконь

РУССКАЯ ПЕСНЯ

СТИХИ 1998–2013

кабинетный ученый
[kʌbɪnʹetnyɪ utʃʹɔ:nyɪ]
armchair-scientist.ru

Dmitry Ryabokon

RUSSIAN SONG

POEMS 1998–2013

Armchair Scientist
Ekaterinburg — Moscow
2014

Дмитрий Рябоконь

РУССКАЯ ПЕСНЯ

СТИХИ 1998–2013 ГОДОВ

Кабинетный ученый
Екатеринбург — Москва
2014

ББК Ш6(2р36)6-335
Р98

Составитель Олег Дозморов

Рябоконь Д.
Р98 Русская песня. Стихи 1998–2013 годов/ Д. Рябоконь. — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2014. — 128 с.

ISBN 978-5-7525-2943-6

Вторая книга Дмитрия Рябоконя (р. 1963), представляющая творчество легендарного свердловского поэта за минувшее пятнадцатилетие. В восьмидесятых — участника поэтической группы «Интернационал» (совместно с Е. Ройзманом и Ю. Крутеевой), а на рубеже веков — получившего известность в качестве одного из самых симпатичных персонажей стихов и прозы Бориса Рыжего. По мнению критиков, Дмитрий Рябоконь — изощренный стихотворец и тонкий лирик, скрывающийся под маской поэта-люмпена с окраины Екатеринбурга. Для широкого круга любителей современной русской поэзии.

ББК Ш6(2р36)6-335

© Рябоконь Д., 1998–2013
© Дозморов О., составление, 2014
© Кабинетный ученый, 2014

ISBN 978-5-7525-2943-6

«Отвратительный Димон», или Чудесное превращение персонажа в автора

Кто не знает Диму Рябоконя? Диму знают все — ведь он герой стихотворения «Море» и один из персонажей «Роттердамского дневника», он воспет Борисом Рыжим. А кто читал стихи Дмитрия? Да почти никто.

Что мы знаем о Диме Рябоконе? Из письменных источников, рифмованных и нерифмованных, следует, что он тунеядец, выпивоха и охальник, незадачливый, пишущий стишки и мечтащий о славе и деньгах обыватель. Но тот ли это Рябоконь? О каком Рябоконе речь, котором из двух? О комическом персонаже повести Рыжего, который был списан с диминого лирического героя и подарил последнему пропуск в бессмертие? Об «отвратительном Димоне» — авторе-герое стихов Рябоконя, бабнике, пьянице и мизантропе? Или рафинированном, эстетском поэте с книгой, скажем, Одарченко в руке, который прячется под маской люмпена, бездельника и раздолбая?

С Димой вечно путаница, его друзья не дадут соврать. Может показаться, что в жизни он очень похож на своего лирического героя. Но это совершенно разные люди. Отличие в том, что стихи, в которых уютно расположился «Димон», этот герой писать по определению не может, хотя и предстает в стихах как последний стихотворец в России, живущий «как поэт», то есть в режиме непрекращающегося карнавала, со всем известными последствиями. Их пишет Дмитрий Рябоконь — тонкий и начитанный автор, прекрасно знающий, что именно эта опасная для всякого поэта близость автора и героя и создает то лирическое напряжение и сердечную достоверность, которые мы чувствуем, читая эти стихи.

Да, автор «Свояка», которого Рыжий знал наизусть, и хулиганского «Рубашка светлая, крахмальная…» — один из самых культурных поэтов на Урале. Пока его герой начиная с середины восьмидесятых назначает «девочкам» свидания у гостиницы «Центральная», автор, историк по образованию, штудирует античность и русскую поэзию (подобное этому несовпадение автора и героя будет потом у Рыжего). Это не значит, конечно, что Дима никогда не назначал свидания «девочкам», но почти во всех стихах этой книги есть скрытые цитаты

и парафразы из классики, иногда не по одному на стихотворение. Тутто и становится понятно, что уличная и бытовая «жизнь» — это лишь декорации, а настоящее действие этих стихов разворачивается в пространстве русской поэзии (отдельный поклон Диме за виртуозную рифмовку — признак большой поэтической культуры). Больше того, в эту «русскую» книгу не вошли его античные и библейские циклы, написанные на темы, которые последний раз в русской поэзии «поднимались» лет сто назад Вячеславом Ивановым и Валерием Брюсовым. Здесь нужно оговориться: Дима — единственный, кто остался верен выучке в школе группы «Итернационал», в которую он входил вместе с Евгением Ройзманом и Юлией Крутеевой и где было принято тренировать мускулы сочинением антологических стихов; и единственный из участников группы, не ослушавшийся музы и продолживший много писать в 1990-е и 2000-е. Как бы то ни было, такие сверхкультурные тексты у нас не приняты уже много десятилетий — следовательно, это бесстрашные стихи.

Дима все делает не как принято, а по-своему. Он не боится быть смешным и низким, более того, это позволяет ему выстроить в стихах свой мир, заселить его людьми, пустить туда героя и затянуть пружинку лирического действия. В этом месте нужно упомянуть одно важное для понимания генезиса Рябоконя имя — Александр Тиняков, легендарный полузапретный петербургский поэт-охальник, первый наш поэт-хулиган, низкая реинкарнация проклятого поэта почти за десятилетие до «Москвы Кабацкой». Найдите его стихи, сравните. Кто-то может спросить: а какой смысл во втаптывании самого себя в изнанку не только жизни, но и поэзии? Однако кроме фиги в кармане, иронического ответа высокой лирике (который, конечно, есть ее подтверждение и продолжение, хотя Диме и удается обсмеять все романтические штампы), здесь и буквальное понимание батюшковской формулы искренности поэта «Живи как пишешь и пиши как живешь». Правда, в нашем случае ударение приходится на вторую часть фразы: пиши как живешь — как живу, так и пишу.

В лачуге десять — автор данных строчек,
Мечтательный, ленивый разгильдяй,
Запутавшийся в куче проволочек,
И прячущийся в выдуманный рай.

Жена сбежала. А за ней вторая
Манатки забирает второпях,
Разводом и разборками пугает,
Грозится телек увезти на днях.

(«Подъезд»)

Да, так и живет «Димон» на улице Волгоградской, прямо напротив Цыганского поселка, на четвертом этаже брежневки. Эта жизнь, населенная нашими родными людьми, начиненная постсоветским бытом, коммунальной грубостью и юмором, описана Дмитрием в эпическом развернутом «Подъезде». На мой взгляд, это сильнейшая вещь в книге, злой и точный портрет, за который мы должны быть благодарны его автору. За честность и за скабрезность, за лиризм и охальный юмор. Надеюсь, у читателя достанет смелости и чувства обнаружить за грубостью — тонкость, за агрессивностью — мягкость и ранимость, а под спортивным костюмом парняги с окраины — байронический плащ и горячее сердце поэта.

Первое впечатление от диминых стихов — что это стихи иронические. И это так, но только отчасти: послевкусие у них горькое. Дима, словно цирковой клоун, развлекает публику, падает, ругается и пошлит, показывая голый зад, но смысл его реприз совершенно иной, и одураченный зритель-читатель в итоге не знает, плакать ему или смеяться. Это стихи о любви и смерти, и у юмора — горькие слезы.

Все проходит понемногу,
И совсем пройдет…
Сменит нудную дорогу
Быстрый переход.

И тогда скажу я: здрасьте,
Червячки, жучки…
Наперегонки залазьте
В яблоки, в зрачки.

На мой взгляд, это одно из самых страшных и правдивых стихотворений о смерти в русской поэзии со времен Георгия Иванова. Здесь и Лермонтов, и «червь прохладный», «переползший» из стихотворения другого поэта (хотя у Димы здесь своя метафора), и усмешка и бесстрашие… Такие «последние», как бы эмигрантские стихи. Горький романтизм неузнанного рыцаря русской лирики не с берегов Невы, а с нетрезвой и уродливой окраины Свердловска-Екатеринбурга. По-настоящему высокое, притворившееся низким — русская песня.

Надеюсь, что после выхода этой книги в русской поэзии рубежа веков кроме забавного и трогательного персонажа по имени «Дима Рябоконь» появится и создавший его автор — замечательный поэт Дмитрий Рябоконь.

Олег Дозморов
Лондон, апрель 2014 г.

ESPAÑA

1998–2001

***

Ребенок ест четыре раза в день,
Причем жует по чайной ложке в час,
И мочится… Раздень его, одень
И уложить попробуй в мертвый час.

Все время развлекай его, смотри,
Чтоб не упал, и никуда не лез,
И, если надо, сопли подотри,
И это — только маленький ликбез.

В ночи кромешной вскакивай, беги
На рев, звучащий тысячью сирен,
И тихо размягчаются мозги,
И забываешь, как цветет сирень.

Одна лишь мысль мерцает в темноте,
Избитую высвечивая суть:
Скорей бы оказаться в пустоте,
Скорей бы умереть, уснуть. Уснуть…

***

Опять явилось сразу девять Муз,
А мне и от одной порою тошно,
Но вспомню, что не мальчик я, а муж
В нервозной обстановке невозможной.

Пускай они толкаются, орут,
Как бабы на базаре, предлагая
Товар бесплатный. Знаю я, что врут
Нещадно, не краснея, не моргая.

Мне все-таки придется заплатить…
Чем заплатить? Об этом знает каждый,
Такую цену могут заломить,
Что целиком себя отдашь однажды.

Однако шум усилился. Где шум,
Там иногда случаются и драки…
У Мельпомены затуманен ум,
Она покажет, где зимуют раки.

Жрец Аполлона слышит матерки,
Дерутся и ругаются паскуды,
И в час, когда дрожат материки,
Надеется: быть может — позабудут.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Ю. Крутеевой

Весной, сбежав из резервации,
Я был на пышной презентации,
Среди писателей-художников,
Среди простых людей-сапожников.

Там я воздал хвалу соратнице
И с восхищением, как Пятница,
Смотрел в ее зрачки цветущие,
Угадывая в них грядущее.

Потом базарил я с поэтами
И, отвлеченными предметами
Насытившись, торчал у столиков,
Где пьяницы с глазами кроликов.

Вдруг, медленно пройдя меж пьяными,
Дыша духами и туманами,
Мне незнакомка улыбается,
И приключенье начинается.

Да, я в тени, но мне обломится,
Хотя бы со своей поклонницей, —
И мы крутой банкет покинули,
Поймали тачку с ней, и двинули.

Туда, где двор загажен шпицами,
Подъезд с окурками и шприцами,
Где стены грязные облуплены,
Где шаял я, признаньем купленный.

Туда, диваны где продавлены,
Где я, вниманьем не оставленный,
Туда, где всякое случается,
Где копошатся и случаются.

Где я, преодолев прострацию,
Решил не делать презентацию,
Пускай идея где-то носится —
Боюсь, поклонницы набросятся.

ХОЛОДНЫЙ АПРЕЛЬ

Е. Касимову

Что мне с того, что я попал в анналы
Скандального десятого канала,
Что как-то промелькнул у Шеремета,
Что мне с того, раз Ройзмана все нету?

В готовности многострадальный сборник,
А я болтаюсь, словно беспризорник,
В Е-бурге, где повсюду грязь и скотство,
Где в полной мере ощутил сиротство.

Виновен я лишь в том, что слов растратчик,
Что русской речи я электоратчик,
Что гору своротил герой-Касимов,
Что я бреду дорогой пилигримов…

***

Зачем просыпаться, зачем вставать,
Когда все равно бревнами ночью ложиться,
Зачем спешить и застилать кровать,
Зачем термометр и занавески из ситца?..

Жизнь у нее — это ее супруг,
Который воняет потом и перегаром,
Хрен которого давно не упруг,
И которого ей просто не надо даром.

Жизнь у него — это его жена,
Буфера которой вязкие, словно тесто,
Которая не влечет, не нужна,
Которая казалась желанной невестой.

ЗАХОЛУСТЬЕ

В дебрях, где все дома имеют №13,
Где все ждут удачу до второго пришествия,
Где залить шары или выцветших баб помацать
Зачастую приводит к ненужным последствиям,

Лучше жить на улице Кларыдавнонецелкин,
Переехав с Загвозкина, где одни проблемы,
Поскольку в загуле не видишь себя ни мелким,
Ни жалким, легко выпадая из данной схемы.

ДЕЖУРСТВО

Мороз крепчает, но торгуют бабки,
И жадно пересчитывают бабки,
У бедного скота замерзли бабки,
А в Угличе играют дети в бабки.

В тулупах и платках на мини-рынке
Торгуют бабки колбасой и рыбой…
И кружатся, и падают снежинки,
А бабки жрут. Но лучше не завидуй.

Торгуют бабки в валенках и шубах,
В пуховиках и шапках, в теплых унтах,
И про себя ругаешься ты грубо,
И ненавидишь доллары и фунты.

Машины подъезжают постоянно, —
И наши, и крутые иномарки,
И бабки — кто нахально, кто жеманно,
Клиентов окликают, хулинарки…

Мечтают, чтоб подъехала к ним «Вольво»,
Чтоб курицу купили из «Тойоты»,
Чтоб вылезла из «Мерседеса» вульва,
Косясь на беспризорников-койотов.

9 ФЕВРАЛЯ 1994 ГОДА

Памяти отца

Я делал все не так, как ты хотел…
В отличье от старательной сестры, —
Стремился ускользать от нужных дел,
Из книжек школьных жег свои костры.

Я делал все всегда наперекор,
Но ненарочно, хоть и вопреки,
И занимаюсь тем же до сих пор,
Силки кромсая лезвием строки.

Я делал все всегда наоборот,
Затем, чтобы в один прекрасный час
Узнали мы с таинственных высот,
Что антитеза связывает нас.

15 ФЕВРАЛЯ 1999 ГОДА

Накануне века и тысячелетья,
Накануне строчек будущих стихов,
Так боюсь сгореть я, так боюсь сгореть я
В искушеньях яви и в кошмарах снов.

В напряженьи зренья и в геенне боли,
И в горниле речи, данной мне в удел,
Потому что в нашей горестной Юдоли
Целый строй блестящий заживо сгорел.

КОД

Г. А. Князеву

Две долгих недели очистки, и вот —
В глубокую вену тебе вводят код,
Тебе вводят код, он рассчитан на год, —
Так терпи же теперь, подопытный кот.

В глубокую вену ввели препарат
«ППД», и ты просто безумно рад
Тому, что в аорте и в вене парад
Алкоголя взорвет лекарства снаряд.

Он Вену взорвет, и Берлин, и Париж,
И Лондон с Нью-Йорком, — тогда полетишь
Ты в тартарары, как подстреленный стриж,
И глазки закатятся, и замолчишь.

Рассказывай, где, чижик-пыжик, ты был,
Как водки фонтан прямо в небо палил,
Как пил из фонтана, а после — парил
Над грязью кварталов, утративших пыл.

***

Отваленный камень у входа в пещеру,
И огненный Ангел, сидящий на камне,
И гроб опустевший. Небесные сферы
Сверкают лучами, забыв о недавнем.

Здесь нет Его. Больше Его не ищите
Меж мертвых, — и Он будет с вами вовеки…
А кто усомнится, — то в раны вложите
Персты, как Фома, потерявший опеку.

БАЛЛАДА ОБ ИЗДАТЕЛЕ

Ф. Еремееву

В начале февраля я ногу вывернул,
И лишь в апреле я из дома вынырнул.

Прошли все сроки. Я побрел в издательство,
Чтоб учинить крутое разбирательство.

Я ковылял на костылях по городу,
Цедя сквозь зубы: мне заплатят дорого.

Будь проклято паршивое издательство, —
Над автором сплошное издевательство.

Будь проклята, поганая редакция, —
Которая над автором реакция.

Анафема подобному издательству,
И четырехэтажные ругательства.

(Вынашивая замыслы погромные,
Залил свинец я в костыли огромные).

В дверях я встретил главного редактора,
И в грязь его впечатал, словно трактором.

Я костылями бил его свинцовыми,
И кровь текла потоками пунцовыми.

Визжал, как поросенок недорезанный,
Редактор. Я мочил его протезами.

От громких стонов задрожало здание,
И пожалел я мерзкое создание.

Молил меня редактор о прощении,
Ему грехов я сделал отпущение.

И вскоре вышла книжка долгожданная,
Но костыли выбрасывать не стану я.

Хоть и нога моя вполне здоровая, —
Когда-нибудь разборка будет новая.

ПЕДЕРАЧА

А. Санникову

Мечтал посмотреть про себя передачу,
И телек включил я. А там — педерача.

Узнал я, что в церкви несчастной — две касты,
И власть захватили попы-педерасты.

И что во главе извращенцев — сам Никон, —
Откуда, скажите на милость, возник он?

И вот из-за Никона эти контрасты,
И все педерасты — мордасты-губасты.

Гляди же, расплата грядет, богохульник,
И яйца тебе откромсает цирюльник.

Гляди, скоро на кол посадят, педрила,
Тебя прихожане твои из Тагила.

Бойкот и позор тебе, грязный епископ,
И участь Содома с Гоморрой уж близко.

Ты вспомнишь проклятья отца Авраама,
И некуда сунуться будет от срама.

Ты вспомнишь героя из Елизавета,
И пьяный кураж над листами Завета.

Не ведала церковь такого раскола, —
Зачем в наших душах ты сеешь крамолу?

Нам не что жить, и едва мы живые, —
А тут еще лезут вовсю голубые.

А тут еще лезут вовсю гомосеки,
А мы так хотим беляши-чебуреки.

И выключил я надоевший мне телек, —
Повтор педерачи испортил неделю.

Давал интервью, тратил время, и — здрасьте, —
Одни педерасты, одни педерасты…

ЮБИЛЕЙНОЕ

200-летний юбилей
Проходил с нуднейшей помпой,
А была бы в сумке бомба, —
Он бы кончился быстрей.

Мы бы бросились бежать,
Подавили бы друг дружку, —
Был бы рад веселый Пушкин,
И пришла бы благодать.

Жизни мышья беготня
И слоновий громкий топот
Заглушили бы наш ропот
В блеске яркого огня.

***

«Девочка, меня любить не стоит…»
Е. Евтушенко

Девочка, меня любить не стоит,
Но не потому, что не стоит, —
Он стоит. Иное беспокоит:
То, что жизнь со мной — сплошной Аид.

Девочка, не стоит увлекаться
Именем и мощным стояком, —
Вдруг я буду снова разбираться
С пузырем и нищим кошельком?..

***

Б. Рыжему

Семидесятые, патлатые,
Цепочки, клеши и платформы,
Семидесятые — поддатые
На вечеринке выше нормы.

К «Аккорду» «Нота» подключается,
Со скрипом крутятся бобины,
Глухой динамик надрывается,
Очередные годовщины.

У пацанов в чести «Слейдятина»,
А дискотня — по просьбам телок,
И, если проверять внимательно, —
Опять не досчитаться целок.

Столешница — в плодово-ягодном,
И, кажется, садист-Мичурин
Рыдает бурно в термоядерном
Дыму безумных винокурен.

***

Скажи мне, отчего ты уязвима
Настолько, что опять кровоточишь?..
И стрелы не летят куда-то мимо,
И ночью ты, пронзенная, не спишь.

Ты схожа с ахиллесовой пятою,
Но только не могу никак понять,
Как, острою пронзенная стрелою, —
Не в пятках, и опять жива, опять…

ЛЕСЕНКА

Вверх, до самого Олимпа,
Лесенка возносит,
Небожители при нимбах
Премии там просят.

Тяжело по ней взбираться,
Лесенка крутая,
Я боюсь немного, братцы:
Ребра сосчитаю.

На Олимпе я оставил
Тоненькую книжку,
Но не ведал жестких правил:
Это мало слишком.

Нужно две, по крайней мере,
Нужно больше роста,
Значит, я не рос, поверьте,
И не падал просто.

Значит, я не покатился
С мраморных ступенек,
На земле не очутился
Наглый шизофреник.

Я поныне в эмпиреях,
Где мои владенья,
Где витаю, или рею,
В царстве вдохновенья.

ПОДЪЕЗД

Простой панельный бред пятиэтажный,
Где каждый тащит отведенный крест,
Где в холода (и это — очень важно),
Сильнее мерзнет угловой подъезд.

Года летят… И чтоб увековечить
Забвенью предназначенный бардак,
Упомяну про типы человечьи,
Хотя уже поехал мой чердак.

В кабинке первой жил поэт известный
С артисткой драмтеатра. Тягунов…
И в майский день, прекрасный и чудесный,
Был выставлен. Сюжет, увы, не нов.

Сейчас остался там ее папаша,
Артистка укатила с женихом,
Но более паршивая параша
В дальневосточном городе глухом.

В хоромах номер два мужик черняВый
С дочуркой и супругой обитал,
И глупый бультерьер его корявый
Мою собачку крепко искусал.

Его дочурку, жгучую брюнетку,
Всегда с девицей сравнивал другой,
Как будто миловидные соседки
Из яйцеклетки вывелись одной.

В приюте третьем смуглая близняшка
С младенцем и маманею-вдовой
Влачат существованье. И, букашки,
Ночами тихо банчат наркотой.

Поэтому в подъезде тьма и лужи,
Шприцы, окурки, острое стекло,
И жженые газеты. И, что хуже,
В ближайших школах популярно зло.

В четвертой — парень, жалкий и забитый
Родительницей властною своей,
Бабенцией с ухваткой замполита,
И жирною, как тысяча свиней.

Женился он на ласковой Оксане,
Но потерял и сына, и любовь
Не из-за нищеты и не по пьяне,
А потому что въедлива свекровь.

В блатхате пятой — Юзька. Ювелиром
Работал мрачный мастер на дому,
Но постоянно грабили квартиру,
Попробуй догадаться, почему?

Поляк пропал. Куда — никто не знает,
Теперь торчит здесь бывший КГБист,
От скуки преждевременной страдает,
И кляузы на всех строчит, чекист.

В шестой палате — добрый голубятник
Красиво голубей гонял шестом,
И как-то померещился стервятник,
И расписался дяденька пластом.

А после сдохли голуби, поскольку
Их просто было некому кормить,
Конечно, не вернуть соседа Кольку,
Но приказал, сердешный, долго жить.

В седьмой халупе, прямо подо мною,
Ютилась Тася, инвалид труда,
Я часто орошал ее водою,
Чуть не довел скандалы до суда.

Сынок ее умчался, как в экстазе,
В Чернобыль, ремонтировать АЭС,
Беспомощным и лысым, сгинул сразу,
Нуждался он в лекарстве позарез.

В восьмой ячейке — толстая еврейка
С котярами, которых сорок штук,

И в дикой, невоспитанной семейке
Совсем отбились мурзики от рук.

Тяжелый, спертый дух царит в хибаре,
Клубятся из нее и смрад, и вонь,
И бесишься: за что такая кара,
Но лучше наглых лапочек не тронь.

В девятой — пожилой декан матмеха,
Угрюмый, апатичный нелюдим,
За дверью никогда не слышно смеха,
Лишь изредка здороваюсь я с ним.

Его команда сторожит секреты,
И не выносит мусор из избы,
Они шуршат, но словно бы их нету,
И незачем касаться их судьбы.

В лачуге десять — автор данных строчек,
Мечтательный, ленивый разгильдяй,
Запутавшийся в куче проволочек,
И прячущийся в выдуманный рай.

Жена сбежала. А за ней вторая
Манатки забирает второпях,
Разводом и разборками пугает,
Грозится телек увезти на днях.

В одиннадцатой — модница и пышка,
Пахала в парикмахерской она,
Ее партнер Калганом звался. Слишком
Башка большая, словно у слона.

Затем вселилась набожная Клава,
Однажды я проснулся с похмура,
И льется пенье Ангелов кудрявых,
Как будто умер. Но прошла мура.

В двенадцатой — обиженная Зина,
Веселой горнолыжницей слыла,
Но тянет одиночества резину,
И залегла, как рыба-камбала.

А раньше погулять была не дура,
Компании гудели за столом,
Широкая и щедрая натура,
Отчаялась и скурвилась потом.

В тринадцатой — бабенка-плоскодонка
Нещадно пылесосит и гремит,
В каморке — ни ребенка, ни котенка,
И вид ее издерганный претит.

Передвигает мебель, идиотка,
И топает копытами, коза,
Короче, задолбала сумасбродка,
Чтоб не вспылить, молюсь на образа.

Четырнадцатый случай — многодетный,
Такую прорву сложно содержать,
Бюджет у них неисправимо бедный,
Не стоит в нестабильности рожать.

К сестричкам в гости ходят ухажеры,
На стенах пишут грязные слова,
И щупают прыщавые стажеры
Ровесниц, засучивши рукава.

В пятнадцатой — седые стариканы,
Едва худые ноги волокут,
Беззубые и дряхлые. И странно,
Что Божьи одуванчики живут.

Глотают молча манку и овсянку,
И покупают хлеб и молоко,
И, кашляя, включают спозаранку
Приемник. Но их мысли — далеко.

Пускай портретом кто-то недоволен,
Нам нечего на зеркало пенять,
Кривые рожи режут взор до боли,
Но зеркала кривого — не видать.

Ноябрь, 1999 г.

ДЕДУШКЕ КРЫЛОВУ

Залетев на высокие кроны,
Уплетают ломти колбасы
Вездесущие злые вороны,
А затем очищают носы.

Разжиревшие птички урвали
В суматохе базарной куски,
И теперь издеваются, твари,
Над желудком, что полон тоски.

И мерещатся взору картины,
Как, желаньем томимы одним,
Издеваются эти скотины
Над истерзанным трупом моим…

***

Л.

Под пасмурным небом огромным, бездонным,
И не оставляя вязь
Следов, ты исчезла. Бездомным, бездомным
Я стал. Так беда стряслась.

Тоска и дремота, тоска и дремота,
И ночью, зажав виски,
Я думаю: клеить бабье неохота,
Словно стирать носки.

МОРЕ (P.S.)

Б. Рыжему

Повсюду скользкие русалки
Смеются, пляшут и поют,
И дно, похожее на свалку,
Где корабли нашли приют.

Меня влекли просторы моря,
Меня манил глубинный гул…
Сбылась мечта, поскольку вскоре
Я в море водки утонул.

ПАСХА–2000

Как-то раз по лебедям
Я отправился в «Лебядкин»,
В клуб литературный. Там
Барышни до палки падки.

Там на Пасху я позвал
Скромницу, сказав: яички
Заждались. Но я не знал,
Что она — шизофреничка.

С водкой, закусью поднос,
И большими стопарями,
А она сует под нос
Мне листочки со стишками.

Стала черствый грызть кулич,
Крошек масса полетела, —
Был кулич тот, что кирпич,
Крошки больно впились в тело.

Беспричинный глупый смех,
Смех-то смехом, смех-то смехом,
А в итоге всех потех
Выходило кверху мехом.

Рожа, грудь, спина в прыщах,
Даже ноги не побриты,
Я пропал, что кур во щах,
И от горя был убитый.

Гнилью пахло изо рта,
И она совсем не мылась,
Муки смертные Христа
На меня с утра свалились.

Провожать пошел, и вдруг
Вмиг испортилась погода, —
Дождь и снег, и град вокруг,
Как с ума сошла природа.

Постараюсь, чтобы впредь
Не было прокола с Пасхой,
Чтобы мрак предусмотреть,
Чтобы в гости звать с опаской.

А сейчас прости, Исус,
Всемогущий Царь Небесный, —
Я пока что не берусь
После праздника воскреснуть…

***

Л.

Обожаю тебя от макушки до пят,
Но, поверь, если что-то я сделал не так,
Не топи меня больше, как топят котят,
В одиночестве, переходящем во мрак.

Ты пойми то, что я — это все-таки ты,
Но и ты, соответственно, все-таки я,
И твои, наилучшие в мире, черты
Проступают во мне сквозь тоску бытия.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Думы неотвязные, грязи непролазные,
Дождик тихо капает, безнадежен путь…
Все мечты — напрасные, слезы — несуразные,
А озера — зеркала, можно в них шагнуть.

Нужно долго маяться, нужно долго каяться,
Оправдаться строчками — Храмом На Крови…
То, что было у меня, лишь меня касается,
Обжигая пламенем боли и любви.

Рощи неодетые, песни недопетые,
Да стигматы — гроздьями, да в кармане — ноль…
Не прожить, не сетуя… Души несогретые,
Ржавчина осенняя, ржавчина и голь.

***

Виноваты, конечно, монголы,
Виноваты, конечно, татары
В том, что все мы по-прежнему голы,
И живем, точно в мрачном тартаре.

Виноваты, конечно же, ханы,
Виноваты, конечно, баскаки,
В том, что все мы по-прежнему хамы
И нам нечем прикрыть наши сраки.

До сих пор мы трясем ярлыками,
И решаем, куда их повесить,
Желваками играем веками
И от злости идем куролесить.

Виновато ордынское иго
В том, что мы, точно раньше, холопы,
В том, что видим по-прежнему фигу
И глазами приучены хлопать.

ПРЕДНОВОГОДНЕЕ

Скоро грянет Новый Год,
Я же, точно идиот,
Деньги быстро прокутил,
Ничего не накопил.

Нужно бабки добывать,
А иначе — погибать,
Холодильник снова пуст,
Чудится капусты хруст.

Вот сижу я без гроша,
В небо просится душа,
Давит мощный депресняк,
Впереди — кромешный мрак.

Даже нечего курить,
Что мне делать, как мне быть,
Даже нечего поесть,
Нет нисколько на проезд.

Погудел, конечно, всласть,
А теперь на полку класть
Впору челюсти, увы,
Из-за глупой головы.

Телефоны растерял,
Сбереженья промотал,
Стыдно мне перед женой,
И хожу я сам не свой.

Рваный, жуткий снится сон,
Что считаю я ворон,
Быть писакой — тяжело,
Мне опять не повезло.

Так противно поутру,
Думаю: сейчас умру,
Только держит что-то тут,
Без любви к жене — капут.

Ненаглядная, прости,
Хоть я нынче не в чести,
За собой не хлопай дверь,
Все исправится, поверь.

Облажался — не плошай,
Господи, не оставляй,
Сохрани меня, Господь,
Беды дай перебороть.

ПАМЯТИ РОМАНА ТЯГУНОВА

Белый, белый, белый снег,
Взял и сгинул человек,
Искрометное письмо,
Что мы скажем? — NEVERMORE.

Снег идет, идет, идет,
Нам друзей не достает,
Остается пустота
В виде чистого листа…

КЕМ БЫТЬ? – 2

У меня растут года,
Скоро будет сорок…
Где работать мне тогда,
Подскажи, астролог?!

Хорошо, что не рога,
Хоть люблю я блядство…
Гуси-гуси, га-га-га,
Чем заниматься?!

Хорошо стишки кропать
После похмелюги,
Хоть приходится роптать
В нищенской дерюге.

Я судьбу не выбирал,
Просто жизнь такая,
Хоть и в памяти провал
Иногда зияет, —

Помнить многое невмочь…
Были б сигареты,
Деньги, девочки и проч.,
И друзья-поэты.

А пока что поживем
На задворках мира,
Где мы ищем днем с огнем
Выход из сортира.

Книжку переворошив,
Барышня, мотай на ус:
Хоть стишки и хороши, —
Лучше пробуй хер на вкус!

***

Бог терпел и нам велел,
Говорил: терпи…
Черт соблазнами вертел,
Говорил: прети.

Вместо терпкого питья
Сахарный сироп
Выбирали ты да я,
Только нет сирот.

Мы пока что не одни,
Нам всегда Исус
Помогал в дурные дни
Выдержать искус.

Двери сердца своего
Настежь отопри…
В Небесах узришь Его,
Лишь глаза протри.

***

О. Дозморову

Увы, не продается вдохновенье,
И рукопись, увы, не продается,
И если нет ни капельки презренья
К металлу, что тогда нам остается?

Скажи, любезный, продаю что им я?-
Другого бы давно уже послали,
Конечно, продаю им свое имя, —
Не стали мы упрямыми ослами.

У фюрера в отделе пропаганды
Я лозунги строчу теперь и речи,
И получаю постоянно гранты,
(Кого-то нет, а кто-то уж далече).

А ты сегодня в глянцевом журнале
Напишешь о каком-нибудь хинкале,
Прошли, мой друг, дни скорби и печали,
Когда с тобой от голода икали.

Напишешь ты о джинсах «Леви Страус»,
Опять же, о каком-нибудь кебабе,
И будешь ты крутой, как Микки Маус,
И слюни не распустишь ты по бабе.

Напишешь о каком-нибудь ты психе,
Еще жранье, — об утке по-пекински,
И восхитятся, как легко и лихо
Ты выдал в «Мерсе» Монике Левински.

НА СМЕРТЬ БОРИСА РЫЖЕГО

У памяти в огне, конечно, нету брода.
Боюсь, я утону, как в черной форме бреда.
Победа и весна. И Пиррова победа.

Слова твои всегда покрыты будут хромом.
Иконой не был ты. Стихи пребудут храмом.
Последнее сказал свое ты слово хамам.

Что смерти я скажу? Приветствую? Хайль, фюрер?
Вступила ты в права де-факто и де-юре?
Но хай ее, не хай — губа у ней не дура.

Смерть — главный драматург. Что с дамой рядом? — Драма.
Там в драмтеатре тьмы заледенела драхма.
Там не пустой декор — а Битвы диорама.

***

Тиха озерная гладь,
Полнейшая благодать,
Но баттерфляй демонстрирует
Опять какая-то…

Взять бы ее и послать,
Взять бы ее, напугать,
Но кто-то все время требует,
Что лучше ее обнять.

Пусть плещется вволю, …,
А если начнет орать,
Или «буль-буль» мне послышится,
Кинусь красотку спасать.

С мамашами малыши,
Везде блестят голыши,
А я на шею булыжничек
Надел бы себе в тиши…

Зачем это вдруг я так? —
Ведь это — удел собак,
Но «му-му-му» вырывается,
Сдерживаюсь кое-как.

За озером — не Москва,
Но там болит голова
Еще больше, чем на природе,
Там громче звучит «ква-ква».

Там вовсе не Петербург,
Но тоже какой-то «бург»,
Там, где пургена воздействие
Сменяется буйством пург.

Идут и идут года,
Но, милые господа,
Поэты и императоры
Гибнут и там иногда.

2001–2008

***

Прошла природы менопауза,
Прошли весенние регулы,
Сравнимы улицы с «Пентхаузом»,
И ударяешься в загулы.

Невольно хочется хорошего,
Совсем не хочется плохого,
Пусть счастье не дается дешево,
Я не ищу себе иного.

Деньки давно стоят пригожие,
Не думаешь о кислых минах,
Но подрываются прохожие
Повсюду на собачьих минах.

***

В Отечестве чужом пока что не пророк,
Уставший повторять, где Бог, а где порог,

Под крышею своей смотрящий в потолок,
Считает, что порок — прозрения пролог.

Назойливо жужжит какой-то Мухосранск,
Какой-то Мухосранск, а, может быть, Саранск.

Неразличимы дни, где мордою лица
Зарылся паразит в отбросы с утреца.

Покинувши трамвай, стал заяц колбасой, —
Такая вот цена билетика, косой.

Не девочка-краса с распущенной косой,
А «белочка» в гостях. И с нею — дрянь с косой.

***

Столбиком ртути в термометре
Кровь потихонечку движется,
И в холодеющей комнате
Муха уже не оближется.

Медленно жизнь моя тащится
Ртутным обыденным столбиком,
А от чего она тащится,
Я объясняю за столиком.

Тащится только от градусов
Температуры кипения
В строчках, в интригах и в кляузах,
В битвах с оцепенением.

Жить бы и нос не высовывать,
Жить-поживать бы по-скромному,
Да с господами-особами
Душу потянет к скоромному.

***

Л.

Обои обрываются, как листья,
И падают в небесные опилки,
Все думаю и думаю за жисть я,
Прикладываясь медленно к бутылке.

Пускай опилки падают на землю,
Пускай обои валятся, как стружка
Небесная. Нисколько не приемлю
Я белый порошок лишь. Где же кружка?

Я белый порошок лишь отвергаю,
Где язва притаилась в неких спорах…
Зачем же Ангел мой меня ругает,
Зачем опять погрязли в ссорах-спорах?

Зачем снимает стружку, пилит, пилит,
Зачем ко мне пристала эта язва
С каким-то там ремонтом-понтом? Или
Проблем глобальных больше нету разве?..

15 ФЕВРАЛЯ 2003 ГОДА

«Ты изумляешься, что я еще пою…»
А. Фет

Возможно ли, что я еще живу? —
Благодарю, Господь, за свет и день,
Что я еще отбрасываю тень,
Что написать последнюю главу
Страшней, чем жить, а может быть, и лень.

За то, что объезжал меня трамвай,
За то, что не упал еще кирпич,
За то, что не решил еще подстричь
Под общую гребенку невзначай,
А также, Боже, и за магарыч.

За травмы и больницу в Новый Год,
Карету скорой помощи Твою,
За то, что в сорок лет еще пою
Про юбилей, про то, что хоровод
Не нужен: отмечать нельзя. Не пью.

* * *

Как долго, Муза, были мы в разлуке,
Как долго мы не виделись с тобой, —
Отсюда рифмы — муки, руки, звуки,
И луч сияет с неба золотой.

Сперва один, а после — и другие
Сквозь тучи пробиваются лучи,
Похожие на струны дорогие,
И песня оживает и звучит.

Из плена всевозможных обстоятельств,
Из времени я вырвался и вот
На лире вновь бряцаю, обязательств
Не ведая важнее и забот.

25.02.2003 г.

***

Лампаду угасающего дня
Задул внезапно налетевший ветер,
А это значит — вечер ставит сети,
И вскоре он поймает и меня,
И прекратится жизни беготня.

А ночью — прекратится и возня,
И утром, горизонт пока не светел,
Так хочется, чтоб всех нас не заметил
Грядущий день — его, тебя, меня,
Так хочется, чтоб не было огня.

Так хочется, чтоб сонное тепло
С тобой как можно дольше оставалось,
Так хочется, чтоб сердца не касалось,
Не задевало ни добро, ни зло,
Чтоб мир не резал глаз, когда светло.

А впрочем, это — радужный пузырь,
Реальность, что возьмет, и тоже лопнет,
Совсем не важно, — хлопнет ли, не хлопнет,
Едва она напорется на штырь,
Хоть тырь себя в подушки, хоть не тырь.

Действительности каторга — мираж, —
Все меньше греют взгляд, улыбка, слово,
Ты станешь, как раздавленная слива,
И вскоре прекратится твой кураж,
Едва пройдет пустой ажиотаж.

Исчезнут антураж и абордаж,
И слава утечет в воронку слива,
Не будет сверху-снизу, справа-слева,
Когда постель замерзнет от пропаж,
Когда свершится Главный Арбитраж…

***

Крестик с Афона,
В углу — икона,
Горит лампада,
И люди рады

Дару Христову —
Настала Пасха,
И в мире снова
Любовь и ласка.

***

Все проходит понемногу,
И совсем пройдет…
Сменит нудную дорогу
Быстрый переход.

И тогда скажу я: здрасьте,
Червячки, жучки…
Наперегонки залазьте
В яблоки, в зрачки.

***

Не то что противны, они отвратительны, —
Чиновник, военный с ментом, бизнесмен,
Врачи и ученые, и, удивительно,
Служителей Муз натянуть бы на член.

Особенно бесят мудилы-прозаики,
Поэтов повесил бы я на столбах,
И так надоела цветная мозаика,
Что всех бы меньшинств очень радовал прах…

Еще ненавистны бомжи, пролетарии, —
Воняют бомжи и герой-гегемон,
И утром кошмарным, когда не в угаре я,
Всего омерзительней автор, Димон.

***

Подумаешь, заложник на Дубровке,
Какой-то газ, взрывные камикадзе, —
Я молочка от бешеной коровки
Заложник, бесполезно мне брыкаться,
Заложник я своей боеголовки.

Того, что называется любовью,
А также — оркестровой дивной ямы,
Музыки сфер, что ночью к изголовью
Нахлынет вдруг и требует упрямо,
Чтоб я быстрей расплачивался кровью.

За что, палач, ведь я же не острожник,
И я плачу, и я плачу и плачу —
Не чернокнижник я и не безбожник,
Но шансов нет спасенья наудачу,
Когда всех ближе к Вечности заложник…

***

Жизни гибельный процесс
Превращает горе в стресс,
Больше хочется всего,
Чтоб настало Ничего.

Даже маленький комар
Превращает ночь в кошмар,
Так воскликнем же «ура!»,
Убивая комара.

ИДИЛЛИЯ

Сладко розы в садах цветут,
Соловьи о любви поют,
Облака в жемчугах легки,
И целуются голубки.

Два сердечка — одно в другом,
Два колечка и плющ кругом,
И прохладный фонтан журчит,
И у статуи … торчит.

***

Л.

С каждым годом меня влечет к тебе больше и больше,
Несмотря на то, что иногда ты не укладываешься в рамки
Моего расписания. (Ты вообще не укладываешься ни в какие
рамки).
Казалось бы, все должно быть совершенно наоборот, —
По логике вещей, я должен терять к тебе интерес,
Но в том-то и дело, что все — совершенно наоборот,
Потому что ты — феномен:
С каждым годом ты становишься притягательнее
И прекраснее. Я хочу, чтобы мы никогда не расставались.
Без тебя краски мира тускнеют,
Пустота окружает меня. Нечто подобное
Происходило со мной и прежде, но сейчас
Пустота и тишина оглушают. Я не нахожу себе места.
Просто дух захватывает от мыслей о тебе,
А особенно — от твоего взгляда, голоса, жеста,
И всегда жаль, что ты исчезаешь так стремительно, —
Со скоростью света.
Остановись, мгновенье… Но жизнь продолжается,
И наша задача — не упустить ее.
Приближается юбилей — десять лет со дня нашей свадьбы
(не брака!!!),—
Я благодарю Бога за встречу с тобой.
Давай обвенчаемся в церкви.

***

Полоска заката, полоска рассвета, —
Не все ли равно, что закончится лето,
Полоска рассвета, полоска заката, —
Не все ли равно, что умру я когда-то.

Не все ли равно и для тьмы, и для света,
Что в мире кого-то уже больше нету,
Не все ли равно для огромного мира,
Что выронит кто-то заветную лиру.

Пускай будет так. Если мир обойдется,
И жизнь без меня никогда не прервется,
Не затормозится и не прекратится, —
Я тоже без мира готов обходиться.

Точней, обойдется моя оболочка,
Когда я поставлю последнюю точку,
Поскольку и в мире останусь, и с вами,—
Вы заговорите моими словами.

ДРУГУ-СТИХОТВОРЦУ

Ты в Москве, ты уехал от местных проблем,
Жить, наверное, станешь богаче,
Но счастливей не станешь, поскольку не всем
Улыбается счастье впридачу.

Ты приткнулся и вроде бы даже везет,
Вроде рай вокруг благоуханный…
Что же гложет, покоя тебе не дает,
Что же мучит тебя постоянно?

Что же гложет и мучит? Заботы? Вина?
Если есть она, — будет ей пусто!
А причина, причина всего лишь одна —
Всепожирающее искусство.

***

Пахать на дядю или на себя,
А может быть, пахать на государство,
К чему мне это, если не любя
Подобное, душевные мытарства?

Подобное совсем не для меня,
Зачем словесности изящной Мастер
Бредет пахать, веригами звеня,
А ручка где его или фломастер?

Раз общество провидцу не должно,
И пенсион за строки не положен,
Ему до вас, ребята, все равно,
Он тоже ничего для вас не должен.

***

На дорогах, в ушах и в бутылках — пробки,
Как будто центр не хочет пускать
Глухих к богатству. А в моейной коробке
Мысли о том, что за пробкой — кайф.

Поэтому нужно до центра добраться,
Чтобы третировать там людей,
Дела провернуть и до денег дорваться,
Затем вина купить поскорей…

***

Я жизнь люблю, но только не такую,
Но только не такую, а другую…
Владея древним сокровенным знаньем,
Я жить хочу всего лишь созерцаньем.

Я не хочу нисколько быть героем,
Чтоб для меня маршировали строем…
Бросаться не хочу на баррикады,
Лишь одному покою сердце радо.

Но это — невозможно. Нет покоя,
Приходится все время быть героем…
Героем не легенд, не мемуаров,
А постоянных жизненных ударов.

Смотреть в окно… Валяться на кровати
Я жажду. Но за это мне не платят.

***

«Я очевидец убитой культуры…»
О. Дозморов

Культуру постоянно убивают,
Но только почему-то не добьют,
И каждый, как умеет, выживает,
Хотя изрядно поредело тут,

Где ежедневно ставится задача,
Как выжить под огнями вперекрест, —
Надеешься все время на удачу,
И утешаешься, что тащишь крест.

И тащишь крест, пока не надоело,
Пока терпелка вдруг не подвела,
Всем до тебя, конечно, нету дела,
Такие вот расклады и дела.

Такие вот ристалища и игры,
Но Бог не выдаст и не съест свинья, —
Все зашибись. Культура не погибла,
Пока в культуре есть хотя бы я.

ТАРАКАНЫ

Давно их не было. Но здесь они опять,
На кухню затащила их миграция,
Их не было в гостях, наверное, лет пять,
И это вовсе не галлюцинация.

И удивительно — из бедной головы
Не происходит никогда миграция,
Здесь только мера радикальная, увы,
Необходима. Это — трепанация.

***

Как доказать, что я еще не умер,
Как доказать, что я еще живой, —
На зеркало дохнуть? Но этот номер
Здесь не пройдет. Он для меня — пустой.

Передо мной лежит стихотворенье,
Написанное кем? Конечно, мной, —
В нем кровь моя. Мое сердцебиенье,
А значит, я не мертвый, а живой.

С РАБОТЫ ДОМОЙ

Уличные на Щорса,
Я бы о них потерся,
Но боюсь, подхвачу ВИЧ,
На остановке — бич.

В транспорте — давка,
Алкаш — у прилавка,
Собаки — у магазина,
Вот отрадная взору картина.

***

Просто так — ни за что,
Ни за что — просто так
Наваждение строк,
Яркий солнца пятак.

Ни за что — просто так,
Просто так — ни за что
Дорогой кавардак,
И мечта за мечтой.

Роза красная той,
Что все годы со мной,
Чьей сражен красотой,
Красотой неземной.

***

Вам лирики? Пожалуйста, вот лирика:
Прозрачные деревья, небеса
Пустынны. И не слышно панегириков,
И осени прощальная краса.

Ни зависти, ни злости и ни жалости,
А на душе — лишь сладостный покой,
И не хватает только самой малости —
Водяры вмазать за такой родной,
Простой пейзаж на лавке городской…

***

Михаилу Окуню

Можно жить в Нью-Йорке, можно жить в Париже,
Можно жить в Берлине, можно и поближе
К рубежам России, ну, к примеру, в Праге, —
Но зачем чужое? Припадаю к фляге.

Я живу в суровом Екатеринбурге,
Там, где самодержца хлопнули придурки,
А еще Бажов там прикарманил сказы,
Про синявок разных собирал, зараза…

Хватит, закругляюсь. Я люблю свой город,
Хоть там очень грязно, а зимой там — холод,
А стихи печатать за границей буду,
Т. к. электронка — это просто чудо.

***

Голова богатыря,
Желтые скамейки,
Занимается заря,
И уже — семейки.

Здесь полным-полно чудес:
Разные качели,
Лесенок спортивных лес,
Есть и каруселя.

И песочница с песком —
Туалет для кошек,
И собачки в месте том
Ставят подпись тоже.

Голова богатыря —
Деревянный домик,
Но детей пускают зря —
Там накакал гномик.

***

Что упало, то пропало,
Было-сплыло,
Начинай, дружок, сначала,
Шило-мыло.

Черпай воду решетом,
Или ситом,
Сколько сможешь. А потом —
Шито-крыто.

2009–2013

***

Я люблю здесь бухать и курить,
И о чем-то мечтать на диване,
И привычек моих не сломить —
Есть для этого фига в кармане.

Я люблю здесь смотреть в потолок
(Потолка, между прочим, и нету),
И божественный ветерок
Вдохновенья, прозренья и света…

***

Больше, чем девок (чего еще?), денег,
Больше водяры (куда уж еще?!),
Любит провидец (порой — неврастеник)
Строки, в которые он помещен.

В рай этот адский и в ад этот райский,
В общем, туда, где безудержный драйв,
Холод январский и гром этот майский,
Где самый сильный и сладостный кайф.

***

Какая игра светотени,
И яблони как расцвели,
Томятся букеты сирени,
И белая дымка в дали.

А выше, а выше, а выше
Плывут, нет, летят облака,
И сам я взлечу выше крыши,
И буду смотреть свысока.

Сплошные восторги и радость,
И как объяснить ее, как,
За что мне все это досталось?.. —
Да просто прошел отходняк.

1979

Я видел Папанина, но не на льдине,
А на раскладушке. На ней он дремал,
И в нескольких метрах лежали руины,
Полярник их контуры напоминал.

Я видел героя. И кто он? Папанин?
Неужто герой этот дряхлый старик?
И тень все росла от античных развалин,
Его настигая. И он к ней приник…

***

Прощальное осеннее тепло
Исчезнет, как случайная улыбка,
Как луч закатный. И умолкнет скрипка,
И превратится мир наш в барахло.

Не удивляйся. Видно по глазам,
Что барахло все время окружает,
И только то немного утешает,
Что барахлом не стал еще ты сам.

***

— Как живется в загробных мирах?—
Я спросил у загадочной кошки.
— Да почти что как в наших краях,
Но отличья мешают немножко.

— В чем же разница заключена
Тех миров от знакомой всем яви? —
И мяукнула тихо она:
Нет возможностей что-то исправить.

***

Давай с тобой забуримся в кино —
Я обожаю фильмы Тарантино,
В кино я не бывал уже давно,
Давай посмотрим новую картину.

Мы плюхнемся на мягких кресел плюш
В том зале, где все возрасты покорны
Любви и страсти. Это — жирный плюс,
И плюс другой — все возрасты с попкорном.

***

Куда ни глянь — менты и бандюки
На улицах и в телесериалах,
И валятся людишки, как тюки
И как снопы. И мир в потоках алых.

Какой-то постоянный беспредел,
Отчетливое эхо девяностых,
И все растет гора кровавых тел,
Какая-то сплошная Коза-Ностра.

Здесь шокером, увы, не обойтись,
И не поможет газовый баллончик,
Ну что, давай, опять перекрестись,
Услышав, как делили миллиончик.

И неподвижно сидя, глядя в стол,
Приняв на грудь примерно двести капель,
Задумался о том, что нужен ствол,
Испуганный, безумный обыватель.

***

Куда-нибудь ужасно торопясь,
Спеша по делу, пробегаешь возле
Крестовоздвиженского. И что после
Зайдешь, роняешь, обрывая связь.

И вспоминаешь только иногда
О Небе на земле, о том, что рвется
Душа в прекрасный храм, туда, где льется
Чудесный хор. Ей хочется туда.

Прости, Господь, что долго не был там,
Где черпал силы и успокоенье,
Где исчезало всякое смятенье,
Что так давно не посещал Твой Дом.

***

Салавату
Фазлитдинову

Здесь жил когда-то Салават,
Совсем как Салават Юлаев,
И с неба не хватал наград,
И ненавидел жирных баев.

А нынче рядом я пашу
В конторе мерзостной на дядю,
Как на какого-то пашу,
С тоской огромною во взгляде.

Здесь жил когда-то Салават,
Теперь он ездит в Эмираты,
И не живет здесь. Он — богат,
Он просто сказочно богатый.

***

Первый весенний листок,
Первый весенний цветок,
И первый встречный ребенок,
И первый встречный котенок…

Где я, зачем, почему,
Я ничего не пойму —
Что это: признаки жизни,
Или здесь призраки тризны?..

***

Поля и леса в необъятной широкой дали,
А также озера и реки, долины, горы —
Богатства России, что всем абсолютно дали,
Возможно, исчезнут. Возможно, исчезнут скоро.

Исчезнут, разрушатся и города, и села,
Провалятся в Тартар, забудутся, канут в Лету,
И жизни не будет. Ни грустной, и ни веселой —
Все сразу исчезнет, если исчезнут поэты.

***

Ночи безумные, речи бессвязные,
Вы заменяли мне дни несуразные,
Ночи бессонные, круглогодичные,
К страсти безудержной небезразличные.

Вас повторить бы — да не повторяется,
Ночи ушедшие не возвращаются…
Как мне вернуть вас — безлунные, лунные,
Яркие, бурные ночи безумные?..

***

Л.

На недельку до двадцать седьмого
Ты уехала в Турцию. Что здесь плохого,
Но на меня ты оставила весь этот зоопарк:
Чадо, собаку, кошку… И был бардак.

И я, совмещая в одном лице
Геракакла и домработницу, так вымотался в конце
Твоего путешествия, что материл Кемер,
Возле которого стерлись античные фрески,
И мусорное ведро казалось перевернутой феской
Или презервативом, у которых огромный размер.

***

Увидев как-то дворника-таджика,
Его я поприветствовал: привет,
Давай-ка подарю тебе аджику,
Приправу к плову с Жучкой на обед.

Заметив на рассвете Насреддина,
Здорово, говорю, Али-Баба,
Толпа вчера здесь очень наследила,
Как завела тебя сюда судьба?..

Ты ждешь. К тебе летит живой контейнер,
В котором с герой маленький пакет,
А может быть, пакетов целый центнер,
И проскользнет курьер через пикет…

***

Ф. Г. Лорке

Ах, бедный, бедный Лорка,
Остался б ты в Нью-Йорке,
И трахался бы с негром,
И избежал бы пекла.

Остался б ты в Гаване,
И был бы ты в нирване,
Остался б ты на Кубе,
Где много негров грубых.

Писал бы там газеллы,
И не было б расстрела…
Вернулся ты к фашистам,
Померк твой взор лучистый.

***

Мудрый китаец однажды мне дал ценный совет,
Который меня успокоил и, представьте, помог,
И тогда я ненависть и месть свою свел на нет,
И я нож отточенный не схватил и не взвел курок.

И были мрачные мысли от меня далеки,
Я добрался туда, где течет медленная река,
И долго сидел на цветущем берегу реки,
Пока не увидел труп проплывающего врага.

***

Летом ты задыхаешься от жары и душит гарь,
А зимой трещат морозы под сорок. И, как вратарь,
Ты принимаешь удары погоды и запредельных цен,
Уговаривая себя: держись и положи на все хрен.

Положи на все хрен. Забей на все. И пусть говорят,
Что в этой стране невозможно жить. Эти речи — яд,
И пусть нудно твердят: зато умирается хорошо — факт,
Как будто мыслей запор или забуксовал кишечный тракт.

***

В конечном итоге, мне строки диктуешь Ты,
И Ты, несомненно, подкладываешь листы
Под руку мою Своею незримой рукой,
Чтоб, в завершенье, я справился с пустотой.

Вот и суди сразу или гораздо поздней,
Как я разобрался с этой задачей Твоей,
Как внимательно слушал, что говорит мне Высь,
И насколько точно я сумел передать смысл.

***

Я занимался когда-то пикапом
И телок смазливых снимал нахрапом,
А иногда занимался паркуром —
Лучшая это была физкультура.

То есть перелазил через заборы,
Чтобы ухватиться за помидоры,
А также — залезал в окна общаги
(Списку побед не хватает бумаги).

Но неужели пора миновала
Окон общаг и даров сеновала,
Что происходит со мною такое…—
Это весна не дает мне покоя…

СОНЕТ БЕЗ РИФМ

Так получилось, я не виноват,
Что не верчусь ужом на сковородке,
И что не лезу я из кожи вон,
Чтоб зарабатывать побольше денег.

Другим я заниматься не хочу,
Противно мне общаться с разным быдлом,
А чтобы мне подобное найти,
Мне скинуть нужно лет, примерно, двадцать.

И я бешусь, что мне за скорбный труд,
За мастерство копейки, в общем, платят,
И ненавижу шефа и работу.

Я обнищал и сильно отощал,
Улыбка, где ты? Это прозябанье
С деньгами не рифмуется нисколько.

***

Б. Р.

Голубятня, увы, из «Роттердамского Дневника»,
Сгорела. Голуби не вылетели из тупика.

Голубятня сгорела. Голуби превратились в гриль,
И пожарные прыгали вокруг, как стадо горилл.

Я вспоминаю сегодня, как ты иногда звонил,
Как ты иногда мне звонил, и что ты мне говорил.

Ты говорил мне тревожно: «Держись. Береги себя»,
А затем добавлял: «Это я говорю для себя».

Я вспоминаю сейчас апрельский последний звонок,
То же самое ты говорил, но себя не сберег.

Видимо, был этот важный урок для тебя не впрок,
Впрочем, не впрок, безусловно, любой серьезный урок.

***

Уже сменилось несколько поколений б...,
А ты все такой же и нисколько не стал умней.

Ты законсервировался и проспиртовался
И поэтому в неизменном виде остался.

И выбираешь помоложе, посимпатичней,
А значит, с тонусом дела обстоят отлично.

Особо свою особу ты не утруждаешь,
И порой мечтательным взглядом везде блуждаешь.

Где-то шумят дебаты и бушуют протесты,
А тебе — наплевать, и ты не сдвинешься с места.

Самое главное — жирные мани в кармане,
И питаешься исключительно в ресторане.

Страшен и жуток был безденежья промежуток,
И стихи лучше пишутся на сытый желудок.

***

О. К.

У меня был роман с сотрудницей МЧС,
Я испытывал к ней глубочайший интерес,
Т. к. она меня постоянно спасала,
Т. е., когда приспичит, она мне давала.

А когда завершился этот бурный роман,
Она дослужилась до звания «капитан»,
Видимо, параллельно и других спасала,
И сегодня ей так близко до генерала…

***

Гаснет в тесной буржуйке огонь,
И лежит на полу кочерга,
Я протягиваю к ней ладонь,
Вот и можно идти на врага,

Если нужно. Но я ворошу
В тесной печке остатки огня,
Это — память. И я не спешу,
И огонь обжигает меня.

***

Волосатый, лысый, волосатый, лысый…
Вот и все. И это — без конца,
И в итоге, в завершении коллизий,
Лишь сиянье властного венца.

Никому не изменить закон природы,
Да и я, конечно, не берусь,
И под выцветшим, холодным небосводом —
Нищая, разграбленная Русь…

***

Проходя актерский кастинг,
А иначе — кинопробы,
Я просек, что я не Дастин
Хоффман. Я — другой породы.

Далеко до Брэда Питта
Мне. А также — до Ришара,
С ними моя карта бита,
Не сыграю и клошара.

Даже не сыграть в рекламе,
Где какой-то мистер Пропер,
Без гроша в своем кармане,
Чистящие средства пропил.

Нет, не стану я актером,
Да и кинооператор —
Никакой. А режиссером
Можно. Чем я не диктатор?..

А вообще-то быть артистом
Как-то стыдно и противно,
Вот и стал я сценаристом —
Это вовсе не обидно.

Сценаристом-драматургом,
Настоящим демиургом,
Предо мной — листы горою,
Не спастись от геморроя.

***

Как скотина на заклание,
На работу прет народ —
Кто в контору на терзание,
Кто на сумрачный завод.

Я сижу, опохмеляюся,
Беззаботно пью и ем
И беспечно улыбаюся —
Нету у меня проблем.

И, конечно, поучительно
Я сказать теперь могу:
Что позволено Юпитеру —
Не позволено быку.

***

Что такое ненормальность,
Не могу никак понять,
Может, это гениальность,
Кто мне может подсказать?..

Или только идиоты
Ненормальными слывут,
Или те, кто на работу
С утреца пораньше прут?..

Света белого не видеть,
Гнать, как белка в колесе,
И угаснуть, как либидо…
Ненормально быть, как все.

ОЛЕГУ ДОЗМОРОВУ В ЛОНДОН

«И был он — исключительный гандон…»
О. Дозморов

Вместо простых голубей у вас на помойках чайки,
А вместо бродячих собак у вас бегают лисы,
И повсюду курят марихуану без утайки
Негры, мулаты, персы и прочие там метисы.

Впрочем, этого добра и у нас вполне хватает —
Таджиков, кавказцев, китайцев и индусов разных,
Но полиция подозрительных сразу хватает,
Документы проверяет, не дает им жить праздно.

Сейчас, наверное, одетый как лондонский денди,
А не так, как в пенатах — в футболке, бриджах и кедах,
Ты попиваешь в баре виски или шерри-бренди
И вспоминаешь о своих премиях и победах.

У меня дома почти как в лучших домах Лондона,
И Екб., смотрите, становится европейским,
И пускай гандоны кидают из окон гандоны —
Прогресс не остановить мелочам житейским.

***

С. С.

Это совсем не пресловутый Конец Света,
Это говорил всего лишь мой конец, Света,
Это конец всяческих отношений, Света,
А совсем не то, о чем твердят пророчества майя,
Повсеместную панику на людей нагоняя.

Это совсем не пресловутый Конец Света,
А Конец Света, безусловно, будет, Света,
Если вздорожают водка и сигареты
Или будет рукопись в камине тлеть, догорая…
Запомни эти слова. Прощай, моя дорогая.

15 ФЕВРАЛЯ 2013 ГОДА

Может быть, сделать подтяжку и чистку лица,
Когда тебе, ясновидцу, стукнул полтинник, —
Ведь это не стоит выеденного яйца,
Если уйма салонов красоты и клиник.

Но почему-то в клевой клинике «Жернетик»
Расположена и фирма швабр «Профи-Клининг»,
И от этого появляется нервный тик
И начинает клинить.

АНДРЕЮ ТОРОПОВУ
В ДЕНЬ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА

Жена взяла и вылила коньяк
С названием отличным «Командирский»,
Четыре звездочки. А мне никак
Нельзя без коньяка. Ведь командирский.

Поэтому устроил я скандал,
Жена купила мне портвейн и пиво,
Я замолчал и злиться перестал,
И стал опять накатывать красиво.

Позвал собаку. Это — спаниель
Тибетский (очень скучно было в доме),
И с ней, пока выветривался хмель,
Границу охранял на стадионе…

ДОМ СЕМЕНОВОЙ

Есть в городе огромный особняк,
Ремонт в нем не закончится никак,
Я на втором скучаю этаже,
Где на стене — красотка в неглиже.

На яблоневых ветках снегири
На красные похожи фонари,
Зима. Метель. Зевота. Канитель…
Открыть бы здесь веселенький бордель…

***

За окном унылый вид,
Холодно. Меня знобит,
Не поеду на работу,
Депресняк. Дремота. Ступор.

Взять бы пару пузырей,
Накатить бы поскорей,
Что им от меня всем надо?..
Отдых — лучшая награда.

Привязались все ко мне,
Я повешусь на ремне,
Или нужен мне «Макаров»,
Чтоб избавиться от дара…

Только дар не задушить,
Не убить и не пропить, —
Не дождетесь. Я — живой…
Светит солнце надо мной.

***

Человек, не державший в руке
Ничего тяжелей стакана,
Тот, который в крутое пике
Регулярно уходит спьяну,

Иногда на плечах Небосвод,
Звездный купол огромный держит,
Подменяя титана. За год
Где-то раз двадцать пять. Не реже.

***

Больше поэтов хороших и разных?.. —
Лучше совсем никаких, —
Ни безобразных, ни благообразных,
Средних, хороших, плохих…
Больше не надо других.

Не успеваешь вокруг оглядеться, —
Как уже новый пиит
Разбушевавшейся кровию сердца,
Кровию сердца строчит,
Кровию сердца кропит.

Новых поэтов, смотрите, — как грязи,
Как после ливня — грибов,
Вот и мечтают из грязи — да в князи,
Чтобы стать славой веков
Яркой. И без дураков.

Прет на меня легион этих новых,
Только я не возопил —
Я еще сам сотрясаю основы,
Я еще сам полон сил,
Я карты не все раскрыл…

***

Два брата-акробата, верней, два друга-йога,
Салон открыли йоги и аюрведы «Ра»,
Верней, не «Ра», а «Индра». И стала понемногу
К нему толпа стекаться аж с самого утра.

Стояли там зеваки — голодные собаки,
И жадными глазами глазели сверху-вниз,
И снизу-вверх на телок. Там были ссоры, драки,
Там летаргический для своры шел стриптиз.

Зеваки надоели хозяевам-индусам,
Там жалюзи на окнах висят уже давно,
Теперь там не грызутся, никто там не покусан,
Закрылось там навеки бесплатное кино.

***

Кто же этот странный дядя,
Почему он прячется,
У него — испуг во взгляде,
У него — чудачества.

Может, он играет в прятки,
И в кустах скрывается?..
Задает он мне загадки,
С места он срывается.

Притаился дядя в сквере,
Он шпион, наверное,
Что-то есть в его манере
Необыкновенное.

Вот опять он за кустами
В длинном сером плащике,
Он в ботинках и в панаме,
Но без брюк таращится.

Я спросил сестричку: «Зойка,
Что это за дядечка?», —
«Там с большой морковкой зайка,
Это зайка, Федечка».

***

Страсти жаркие ступени,
Звон фужеров без конца…
Ряд волшебных изменений
Милого лица.

Ты уснула прямо в кресле,
Что ж, отложим на потом…
Чем заняться ночью, если
Ты уснула за столом?..

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне…
Буду, спячкой раздраженный,
Истину искать в вине…

***

Памяти Ю. С. Самойлова

В его однокомнатной квартире на окраине города
Висели портреты нынешней императорской семьи,
А сам он был магистром Урало-Сибирского отделения
Российского Имперского Союза-Ордена,
И вел обширную переписку и с самим Орденом,
И с венценосной династией Романовых,
И моему удивлению не было предела,
Когда в тысяча девятьсот девяносто третьем году,
В год трехсот восьмидесяти-летия Дома Романовых,
И на семьдесят пятую годовщину
Со дня расстрела царской семьи,
Екатеринбург посетили Великие Княгини
Леонида Георгиевна и Мария Владимировна
С наследником российского престола, Цесаревичем,
Великим Князем Георгием Михайловичем…
Я тоже отправился встречать венценосную фамилию,
Я пришел заранее, чтобы занять хорошую обзорную площадку,
И вскоре народ встречал Романовых с флагами, хоругвями,
иконами,
И с портретами последнего российского императора и его
семьи,
А сама процессия шествовала по широкому проспекту,
Между пустырем на месте снесенного дома горного инженера
Ипатьева,
Где через десять лет будет, наконец, возведен Храм На Крови,
Во Имя Всех Святых, В Земле Российской Просиявших,
И старым Вознесенским Храмом, стоящим на Вознесенской
горке,
Последним Храмом, который видели перед расстрелом
Николай Второй, его жена и дети…
Все было очень торжественно. И императорскую династию
Сопровождали Российский Имперский Союз-Орден
И верноподданные казаки. И тот народ, который
Зверски истреблял венценосную фамилию,
Теперь захлебывался, как раньше захлебывался в ее крови,
в восторженном ликовании,
Словно таким способом хотел покаяться и загладить свою вину,
И просил прощения за все содеянные грехи и за всех…

***

Мимо него проносились мустанги и кентавры,
А внизу простирался сонный Бахчисарай,
Да, хохлам почему-то достались в награду лавры,
Весь этот благословенный и блаженный край.

Возле Бахчисарая — кругом каньоны, долины,
Где впору кино про храбрых индейцев снимать,
Где русские села и русская речь в магазинах —
Нечего было украинцам Крым отдавать.

А раньше совсем за бесценок продали Аляску
Широкие души. Можем лишиться Курил
И Сахалина впридачу. Земля — песня и сказка,
И сказочник тот, кто любую землю открыл.

Недалеко от Эдема и синей морской глади,
На самом краю, на горной вершине Мангуп
Так рассуждал, разглагольствовал, мечтательно глядя
Вдаль, тот, кто русской земли и поэзии пуп.

***

Плохо, если нет работы,
Плохо, если денег нет, —
Нету денег на квартплату,
Нету денег на обед.

Плохо, если есть работа,
Если даже деньги есть, —
Напрягаться — неохота,
Напрягаться — это жесть.

Как разрушить эти стены,
Разомкнуть порочный круг?.. —
Можно перерезать вены
Острой бритвой, милый друг…

***

Фредди Крюгер вышел из кино
В черной шляпе. И в полоску — свитер,
Пламенем лицо опалено
Адским. И бушует сильный ветер.

Фредди Крюгер — воплощенье зла,
И перчатка с острыми когтями
Много жизней разных унесла,
Как волна жестокая цунами.

Зло, увы, бессмертно. Но добро
Тоже обязательно бессмертно,
Нет, не будет полного зеро —
Вот что очень правильно и верно.

***

Мне не нравится это,
И не нравится то —
Я не буду про это,
И не буду про то.

Но мне нравится это,
И мне нравится то —
И я выпью за это,
Побазарю про то.

***

Зима идет своим порядком, —
На землю падает снежок,
Уткнулись школьники в тетрадки,
Жует обжора пирожок.

И протирает юбки, брюки
В конторах офисный планктон,
А у доцента — руки-крюки,
Зато знаток искусства он.

И прячет с водочкой бутылку
Пьянчуга от жены в сугроб,
Старается любовник пылкий,
И шахматист наморщил лоб,
И плотник гвоздь вбивает в гроб…

Зима идет своим порядком —
Возьми и каждый труд почти,
Прочти о том, что все в порядке,
Что все в порядке здесь. Почти.

СОДЕРЖАНИЕ

«Отвратительный Димон», или Чудесное превращение персонажа в автора 5

1998–2001

«Ребенок ест четыре раза в день…» 9
«Опять явилось сразу девять Муз…» 10
Презентация *(Ю. Крутеевой)* 11
Холодный апрель *(Е. Касимову)* 12
«Зачем просыпаться, зачем вставать…» 13
Захолустье 14
Дежурство 15
9 февраля 1994 года *(Памяти отца)* 16
15 февраля 1999 года 17
Код *(Г. А. Князеву)* 18
«Отваленный камень у входа в пещеру…» 19
Баллада об издателе *(Ф. Еремееву)* 20
Педерача *(А. Санникову)* 21
Юбилейное 23
«Девочка, меня любить не стоит…» 24
«Семидесятые, патлатые…» *(Б. Рыжему)* 25
«Скажи мне, отчего ты уязвима…» 26
Лесенка 27
Подъезд 28
Дедушке Крылову 32
«Под пасмурным небом огромным, бездонным…» *(Л.)* 33
МОРЕ (P.S.) Б. Рыжему 34
Пасха–2000 35
«Обожаю тебя от макушки до пят…» *(Л.)* 37
Русская песня 38
«Виноваты, конечно, монголы…» 39
Предновогоднее 40
Памяти Романа Тягунова 42
Кем быть? – 2 43
«Бог терпел и нам велел…» 44
«Увы, не продается вдохновенье…» *(О. Дозморову)* 45
На смерть Бориса Рыжего 46
«Тиха озерная гладь…» 47

2001–2008

«Прошла природы менопауза…» ... 49
«В Отечестве чужом пока что не пророк…» ... 50
«Столбиком ртути в термометре…» ... 51
«Обои обрываются, как листья…» *(Л.)* ... 52
15 февраля 2003 года ... 53
«Как долго, Муза, были мы в разлуке…» ... 54
«Лампаду угасающего дня…» ... 55
«Крестик с Афона…» ... 56
«Все проходит понемногу…» ... 57
«Не то что противны, они отвратительны…» ... 58
«Подумаешь, заложник на Дубровке…» ... 59
«Жизни гибельный процесс…» ... 60
Идиллия ... 61
«С каждым годом меня влечет к тебе больше и больше…» *(Л.)* ... 63
«Полоска заката, полоска рассвета…» ... 64
Другу-стихотворцу ... 65
«Пахать на дядю или на себя…» ... 66
«На дорогах, в ушах и в бутылках — пробки…» ... 67
«Я жизнь люблю, но только не такую…» ... 68
«Культуру постоянно убивают…» ... 69
Тараканы ... 70
«Как доказать, что я еще не умер…» ... 71
С работы домой ... 72
«Просто так — ни за что…» ... 73
«Вам лирики? Пожалуйста, вот лирика…» ... 74
«Можно жить в Нью-Йорке, можно жить в Париже…»
(Михаилу Окуню) ... 75
«Голова богатыря…» ... 76
«Что упало, то пропало…» ... 77

2009–2013

«Я люблю здесь бухать и курить…» ... 79
«Больше, чем девок (чего еще?), денег…» ... 80
«Какая игра светотени…» ... 81
1979 ... 82
«Прощальное осеннее тепло…» ... 83
«Как живется в загробных мирах?..» ... 84
«Давай с тобой забуримся в кино…» ... 85
«Куда ни глянь — менты и бандюки…» ... 86
«Куда-нибудь ужасно торопясь…» ... 87

«Здесь жил когда-то Салават…» *(Салавату Фазлитдинову)* 88
«Первый весенний листок…» 89
«Поля и леса в необъятной широкой дали…» 90
«Ночи безумные, речи бессвязные…» 91
«На недельку до двадцать седьмого…» *(Л.)* 92
«Увидев как-то дворника-таджика…» 93
«Ах, бедный, бедный Лорка…» *(Ф. Г. Лорке)* 94
«Мудрый китаец однажды мне дал ценный совет…» 95
«Летом ты задыхаешься от жары и душит гарь…» 96
«В конечном итоге, мне строки диктуешь Ты…» 97
«Я занимался когда-то пикапом…» 98
Сонет без рифм 99
«Голубятня, увы, из «Роттердамского Дневника»…» *(Б. Р.)* 100
«Уже сменилось несколько поколений б…» 101
«У меня был роман с сотрудницей МЧС…» *(О. К.)* 102
«Гаснет в тесной буржуйке огонь…» 103
«Волосатый, лысый, волосатый, лысый…» 104
«Проходя актерский кастинг…» 105
«Как скотина на заклание…» 106
«Что такое ненормальность…» 107
Олегу Дозморову в Лондон 108
«Это совсем не пресловутый Конец Света…» *(С. С.)* 109
15 февраля 2013 года 110
Андрею Торопову в День защитника Отечества 111
Дом Семеновой 112
«За окном унылый вид…» 113
«Человек, не державший в руке…» 114
«Больше поэтов хороших и разных?» 115
«Два брата-акробата, верней, два друга-йога» 116
«Кто же этот странный дядя…» 117
«Страсти жаркие ступени…» 118
«В его однокомнатной квартире на окраине города…»
(Памяти Ю. С. Самойлова) 119
«Мимо него проносились мустанги и кентавры…» 120
«Плохо, если нет работы…» 121
«Фредди Крюгер вышел из кино…» 122
«Мне не нравится это…» 123
«Зима идет своим порядком…» 124

Литературно-художественное издание

Дмитрий Рябоконь

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Стихотворения 1998–2013

Издатели *Федор Еремеев, Евгений Касимов,*
Евгений Ройзман и Виктор Смирнов
Составитель *Олег Дозморов*
Редактор *Анна Боткина*
Верстка *Евгении Захаровой*

Подписано в печать 22.07.2014. Формат 84 x 108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro Печать офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ 77

Издательство «Кабинетный ученый»
620014, Екатеринбург, ул. Малышева, 36-А